

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВЕРБАЛЬНОГО СОБЫТИЯ В СМИ

Рассматривается интерпретационный потенциал события, представленного в газетном дискурсе. Интерпретация служит механизмом перевода фрагмента реальности в элемент текстового уровня, выполненного в определенном аспекте. В плоскости газетного текста событие утрачивает признак континуальности и членится на отдельные эпизоды. На примере текстов российских СМИ, освещающих аварию теплохода «Булгария», прослеживается вариативность репрезентаций структурных элементов вербального события.

Ключевые слова: интерпретационная лингвистика; вариативность; газетный дискурс; репрезентация события.

В журналистском дискурсе, представляющем «мир людей и их действий как мир событий» [1], событие трансформируется из фрагмента реальности в образ, смоделированный автором. Являясь ядром информационного сообщения, этот образ, с одной стороны, передает ключевые моменты случившегося, а с другой стороны, акцентирует внимание на том или ином событийном аспекте. Современные исследователи определяют полученный образ-проекцию как «медиа-событие» [2], «медиа-коммуникативное событие» [3], «вербальный факт» [4], «интерпретированный факт» [5] и др. Под «событием» понимается «квант структурированного знания о динамическом фрагменте картины мира [6. С. 3], «точно фиксированный в пространстве и во времени (т.е. с ясным началом и концом) шаг в общественном процессе» [7. С. 14], «изменение, которое имеет начало, кульминацию и завершение, выступающее в конечном итоге как новая реальность, новая ситуация» [8. С. 37]. «Событие» изучается как глобальная текстовая категория, связанная «с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [9. С. 183], и выражает основное сообщение – рему текста. В качестве доминирующей текстовой категории «событие» выступает «в процессе презентации определенной информации как универсальный субстрат общественно-политических отношений» [10. С. 3], а также является ведущим стилиобразующим фактором газетного текста [11]. Активный интерес исследователей вызывают вопросы конструирования медиасобытия в информационных сообщениях российских СМИ [12], механизм наполнения его социальным смыслом [13].

Очевидно, что «вербальное событие» является продуктом когнитивной деятельности индивидуума, репрезентирующей фрагмент реальности с учетом ценностных установок и мировоззренческих ориентиров. Термин *репрезентация* как «представление языковых фактов в условиях наибольшей убедительности» [14. С. 211] является ключевым в нашем исследовании, так как дает основания «воспроизвести представление о целом по его части» [15. С. 579]. Реальное событие, пройдя через фильтр авторского сознания и помещенное в пространство медиатекста, воспринимается дискретно. Совокупность репрезентаций определенным образом восстанавливает его континуальность.

При этом важно, чтобы то, что случилось, было определено именно как событие, так как оно «существует только благодаря своему описанию» [3. С. 14]. Другой характеристикой становится вариативность

представления события в медиатексте, связанная с понятием множественности. В журналистском дискурсе одно событие может наблюдаться несколькими субъектами, что «ведет к множественности самого события, поскольку будет существовать множественность описаний этого события, его интерпретаций, модальностей» [16. С. 17]. При этом в медиатексте «моделируется не только само событие, но и его оценка» [3. С. 149]. Механизмом трансформации реального события в вербальное служит интерпретация – «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий» [17. С. 31]. Таким образом, под вербальным событием мы понимаем результат интерпретации субъектом фрагмента действительности – реального события, имеющего пространственно-временные координаты и наделенного авторской модальностью. Вариативность и множественность интерпретационного результата также обусловлены рядом факторов [18].

Вербальное событие подчиняется специфике газетного дискурса – институциональной разновидности масс-медийного дискурса. Необходимо отметить такие черты, обуславливающие функционирование события в газетном дискурсе, как *выделенность* из общего информационного потока в соответствии с интенцией автора-модератора; *аспектуальность* – акцентирование одного аспекта / грани события; *снижение* с течением времени интереса аудитории; *актуализация* уже свершившегося («затухающего») события, если происходят схожие с ним; *напоминание* о том, что составляло «ядро» события при обращении к прошлому; *структурирование* общего потока событий, представленных в отдельно взятом издании по определенным параметрам, принятым в профессиональной среде (по тематике – события политики, экономики, социальной жизни, культуры, спорта).

Рассмотрим интерпретацию конкретного события, представленного в текстах российских СМИ. Материалом исследования стали 292 публикации разных жанров из восьми изданий, имеющих различную редакционную политику, периодичность, аудиторную характеристику («Российская газета», «Известия», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Новая газета», «Независимая газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец»). Публикации посвящены аварии теплохода «Булгария», которая произошла в июле 2011 г. и привела к гибели 122 человек. Резонанс и общественная значимость события подтверждаются включением информации о нем на первые (лидирую-

щие) позиции в традиционные рейтинги событий года. Хронологические рамки исследования – с июля 2011 г. по июль 2012 г. Ключевыми словами, полученными в результате контент-анализа, стали следующие номинации, указывающие на неожиданность и масштаб случившегося: *трагедия* (275 упоминаний), *крушение* (228), *катастрофа* (218). Менее частотными являются репрезентации, представленные номинациями *гибель* (89), *затонуло*, *затонувший*, *затопление* (84), *кораблекрушение* (57), *авария* (41), *ЧП* (33), *бедствие* (25), *происшествие* (19). Единичными являются такие репрезентации, как *кошмар*, *массовое убийство*, *печальный опыт*, *смертельный круиз* и ряд других (таблица).

Очевидно, что реальное событие – авария теплохода «Булгария» – репрезентировано в российском газетном дискурсе, в первую очередь, как *трагедия*, *катастрофа*, *крушение*. Значение этих слов содержит оценочный компонент, который имплицитно оказывает эмоциональное воздействие на реципиента. Так, *катастрофа* – это «внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями»; *трагедия* – «трагическое событие, происшествие, несчастный случай»; *крушение* – «несчастный случай (с поездом, судном), катастрофа в пути» [19]. Таким образом, уже в семантике слов, используемых для номинации события, содержится его оценка как неожиданного, масштабного, имеющего смертельный исход. Номинации, в которых не заложена драматическая семантика, имеют менее частотное количественное употребление (*авария* – 41, *происшествие* – 19, *случившееся* – 10, *произошедшее* – 5, *событие*, *ситуация* – 1). Отдельно выделим номинацию, представленную формой глагола и производными от него формами причастия (*затонуло*, *затонувший* – 84 и т.д.). Выступая в качестве предиката пропозиции, сообщающая непосредственно о том, что произошло, эта номинация по количеству употреблений уступает более эмоционально заряженным словам *катастрофа* и *трагедия*.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что в современном газетном дискурсе событие, повлекшее за собой гибель людей, имеющее определенный масштаб, получившее широкий общественный резонанс, интерпретируется с помощью эмоционально заряженных слов, имеющих трагедийную семантику (*трагедия*, *катастрофа*, *крушение*). Нередко автор усиливает ее, добавляя прилагательные, которые удваивают воздействующий эффект (*трагическая катастрофа*, *чудовищная трагедия*). Номинации, лишённые открытой эмоциональной оценочности, используются реже. В результате аудитория получает общую интерпретацию события, репрезентирующую картину случившегося в качестве трагедийной. Восприятие и понимание события как масштабной трагедии в соответствии со спецификой газетного дискурса поддерживается в прессе, множится, закрепляется за ним на длительный период. Трансляция подобного значения, на наш взгляд, имеет двойной смысл. Во-первых, создает единое понимание явления действительности у неисчисляемой группы реципиентов. Во-вторых, что, как нам кажется, является определяющим, характер события задает узкие параметры для возможностей интерпретатора. При этом столь частотная акту-

ализация трагедийного содержания случившегося приводит к чрезмерной драматизации той реальности, которую в совокупности репрезентирует дискурс российских СМИ. Уравновешенное, стремящееся к объективному информированию о произошедшем в меньшей степени транслируется аудитории. Предпочтительнее оказывается оценочное, наполненное эмоциями, сообщение о событии и его деталях (например, *Десять си-рот «Булгарии»*. «МК». 19.08.2011).

Интерпретации аварии теплохода «Булгария», представленные в текстах российских СМИ

Номинация	Количество упоминаний
Трагедия	275
Крушение	228
Катастрофа	218
Гибель	89
Затонуло, затонувший, затопление	84
Кораблекрушение	57
Авария	41
ЧП	33
Бедствие	25
Происшествие	19
Беда	11
Случившееся	10
Произошедшее	5
Несчастье	3
Ужас	2
Случай с «Булгарией»	1
Ситуация	1
Кошмар	1
Трагическая история	1
Событие с «Булгарией»	1
Массовое убийство	1
Печальный опыт	1
Чрезвычайная ситуация	1
Смертельный круиз	1

Представление события как катастрофы актуализируется через его **пространственно-временные координаты**, что обусловлено таким его имманентным свойством, как локализация в пространстве и во времени. Вариативность репрезентаций вербального события прослеживается на примере его *пространственных характеристик*. К первой группе относятся репрезентации, напрямую указывающие на место произошедшего события: *На Волге потерпел крушение теплоход; место крушения теплохода на Волге; кораблекрушение в Куйбышевском водохранилище; это уже вторая крупная авария на Волге; на Волге уже была масштабная катастрофа с пассажирским судном; место крушения; место кораблекрушения*. При сообщении конкретной фактической информации возможно добавление деталей, связанных как с пространством, так и со временем: *В воскресенье в Татарстане на Куйбышевском водохранилище в трех километрах от берега затонул двухпалубный теплоход «Булгария»... на теплоходе «Булгария», который 10 июля за считанные минуты затонул в Куйбышевском водохранилище*. В первом примере подчеркивается пространственное нахождение судна, его относительная близость к берегу, во втором – скорость протекания события, ставшая причиной смерти многих пассажиров.

Вторая группа репрезентаций содержит не только указание на то, где произошло событие, но и выражает эмоционально-оценочное отношение к нему: *ката-*

строфа на Волге, трагедия на Волге; страшная катастрофа на Волге; (...) Куйбышевского водохранилища, ставшего братской могилой для десятков людей; одна из крупнейших катастроф на Волге произошла вчера в Камско-Устьинском районе Татарии; ЧП в Куйбышевском водохранилище; смерть в «Булгарии»; гиблое место; ужасающая трагедия на Волге; река слез; река не отпускает; река смерти. Географическое место аварии (его указание требуют правила подачи информации в СМИ) получает дополнительный эмоциональный смысл «места смерти и трагедии». Временные координаты также возможно распределить по шкале вариативности от нейтральных (утро, день, рейс) до эмоционально-оценочных (такие словосочетания, как *трагическое утро; роковой день; день трагедии; день катастрофы; кошмарный день, навсегда впечатавшийся в их память; злосчастный июльский день; последнее плавание; последний рейс; злополучный рейс; трагический рейс; смертельный рейс; трагический круиз*). Не имеющие оценочной семантики существительные со значением отрезка времени (*утро, день, рейс*) получают от автора-интерпретатора дополнительную смысловую нагрузку (*злополучный, трагический, кошмарный, роковой, смертельный*), которые задают соответствующую тональность при его восприятии.

Ключевым элементом рассматриваемого события, на наш взгляд, является вербальная репрезентация собственно теплохода «Булгария», название которого стало источником целого ряда интерпретаций, постепенно превращаясь из имени собственного в имя нарицательное для многочисленных трагических ситуаций, происходящих в России (см., например, заголовок публикации *Год со дня страшной трагедии: «Булгарию» продолжат возить туристов*. «КП». 5.07.2012).

Найденные в газетных текстах репрезентации представлены:

1) нейтральными номинациями («Булгария» = судно): *теплоход; пассажирский теплоход; судно; двухпалубное прогулочное судно; речное судно; круизный лайнер; прогулочный лайнер; круизный теплоход; плавсредство; корабль; пассажирский дизель-электроход;*

2) номинациями с акцентом на возрасте судна и его непригодности к эксплуатации: *старая калоша с глухим двигателем, с креном на один борт, перегруженная и без лицензии; ветхий теплоход «Булгария»; бедная старушка «Булгария»; старая лоханка; старая посудина; старенькая «Булгария»; опасное старье; древний корабль; перекошенное судно, которое с трудом шло по Волге; ветхая посудина; старое судно; престарелая посудина; старое «корыто»;*

3) номинациями с акцентом на неисправности судна, приведшей к смертельной опасности для пассажиров: *неисправное судно; братская могила для пассажиров; хромой теплоход; судно-могила; аварийная «Булгария»; живой труп; плавучий гроб; утопленник; дырявая калоша; обшарпанное корыто; утлое суденышко;*

4) номинациями с акцентом на последствии, к которому привела авария теплохода: *терпящая бедствие «Булгария»; затонувшая «Булгария»; затонувшее судно; потерпевшее трагическое крушение кособокое судно; многострадальная «Булгария»; несчастная «Булгария»; злосчастная «Булгария»; злосчастное судно;*

несчастный теплоход; несчастный корабль; «Булгария» – наш «Титаник»; Волжский Титаник; страшный пароход; проклятый теплоход; печально знаменитый теплоход;

5) номинациями, в которых «Булгария» показана как символ кризиса общественной системы управления: *«Булгария» пошла ко дну как символ паразитирующей, нежизнеспособной системы; гибель «Булгарию» стала очередным проявлением серьезной болезни, подтачивающей страну; крушение «Булгарию» как диагноз отечественной системе управления; катастрофа «Булгарию» – индикатор абсолютного неблагополучия нашей патриархальной системы управления технологическими процессами и системами (...) показателем заскорузлости всей общественной системы в стране.*

Таким образом, репрезентации отдельных элементов вербального события варьируются от нейтральных (*На Волге потерпел крушение теплоход*) до метафорических («Булгария» – *это вся Россия*). Кроме того, вариативно представлены такие ядерные элементы события, как «жертвы», «власть», «виновные», «эксперты», «спасатели». При этом некоторые из них интерпретируются практически однозначно. Например, событийный элемент «спасатели» получает только положительную оценку своего участия в событии (*Чтобы отнять у воды последние жертвы, водолазы работали двое суток, «Булгария» отдала последние жертвы*. «РГ». 26.07.2011). При изображении событийного элемента «жертвы» подчеркиваются те эмоциональные потрясения, которые им пришлось пережить (*Когда на сушу спускался очередной пассажир «Булгарию», его с рыданием обступали родные. Сами спасенные в большинстве тоже беспрестанно плакали. И женщины и мужчины, «Смерть в «Булгарию», «РГ» от 12.07.11*). Большой вариативностью репрезентаций наделен субъектный элемент «власть». Представители власти маркируются указанием должностей и статуса, при этом делается акцент на их деятельном, активном, заинтересованном участии (*На место трагедии выехал (...) премьер-министр Татарстана Ильдар Халиков. Он лично руководил спасательными работами. «Смерть в «Булгарию». «РГ». 12.07.2011*). В то же время наряду с конкретными персонами власть в текстах репрезентируется как некая обобщенная категория (*чиновники, чиновничья машина, большие кабинеты, система, контролирующая бюрократические инстанции, государство, должностные лица «высокого ранга», власти*), которая наделяется в большей степени негативно-критическими оценками.

Аспектуальная репрезентация реального события, воплощенного в газетном дискурсе в вербальном факте, приводит к утрате свойства континуальности, присущего ему как феномену действительности, и расчленяется на ряд отдельных, но взаимосвязанных между собой микрособытий. Эти микрособытия в совокупности формируют общую модель первичного события, репрезентированного в прессе. Каждое из микрособытий в текстах рассматривается как отдельный фрагмент, состоящий из взаимосвязанных элементов, при этом состояние одного фрагмента / микрособытия зависит от состояния предыдущих и определяет последующие.

В нашем примере в качестве первичного – «родового» события мы определили непосредственно сам факт аварии теплохода «Булгария», так как сообщения о случившемся во всех СМИ начинаются с передачи именно этой информации. Это событие становится отправной точкой для последующего «дробления» реальности на ряд микрособытий, обозначенных нами как «постсобытия». Исходя из последовательности представления микрособытий в газетном нарративе, микрособытия можно расположить следующим образом: 1 – авария теплохода; 2 – встреча пострадавших, прощание с погибшими; 3 – проведение поисково-спасательной операции; 4 – организация подъема судна со дна водоема и освещение связанных с этим процессом трудностей; 5 – следствие и судебный процесс над подозреваемыми; 6 – проверки в сфере речного транспорта. Особенностью представления данных микрособытий является то, что они находятся как в последовательной связи (встреча выживших – поисково-спасательная операция – подъем судна), так и в параллельной (так, обвинения подозреваемым были предъявлены практически сразу, как стало известно об аварии, поэтому микрособытие «расследование и судебный процесс над виновными» получило свое развитие одновременно с развитием других событий – поисково-спасательной операцией, подъемом судна).

Помимо фиксации микрособытий как ядерных элементов первичного события, их фактологического и информационного представления, в газетных текстах представлены тематические направления его разверты-

вания, т.е. направления, которые представляют аспекты освещения события в российском информационном пространстве; это, в первую очередь, поиск причин случившегося, общая оценка состояния речного флота (как частности) и экономической, социально-политической ситуации в стране в целом, оценка последствий события, причем как на уровне конкретных участников, так и на более общем уровне («Булгария» в этом случае – лишь типичный пример кризиса системы). Первичное событие (авария) включает ряд микрособытий и порождает тематические направления его осмысления и интерпретации.

Таким образом, в газетном дискурсе представлена проекция реального события – вербальное событие, которое является результатом интерпретационной деятельности автора. Будучи явлением текстового уровня, вербальное событие членится на отдельные элементы, вариативно репрезентированные в медиатексте. Репрезентации могут быть основаны на фактологической информации и на авторских ассоциациях и обобщениях («Булгария» – *вся Россия*). Мы можем сделать вывод о том, что интерпретация множеством субъектов-наблюдателей одного события сводится к одному схожему пониманию (в нашем примере авария теплохода – это трагедия и катастрофа), но отдельные элементы вербального события представлены различными вариантами репрезентаций. На наш взгляд, общая интерпретация обусловлена спецификой собственно реального события, а вариативная акцентуализация его аспектов зависит отчасти и от авторской интенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. URL: <http://lib.rus.ec/b/224981/read>
2. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
3. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Москва ; Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2003. 289 с.
4. Чернышова Т.В. Тексты в СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 296 с.
5. Ачкасова В.А. Контент: проблемы создания и авторства // Журналистская профессия в системе цивилизации и культуры в информационном постиндустриальном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.Г. Боровик, Г.С. Мельник. СПб. : Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования ; Книжный Дом, 2012. С. 162–165.
6. Резникова С.С. Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с.
7. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2000. 312 с.
8. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М. : Аспект Пресс, 2011. 320 с.
9. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М. : Флинта: Наука, 2007. 520 с.
10. Грушевская Е.С. Языковые средства презентации системно-структурной организации события как глобальной категории политического газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.
11. Печетова Н.Ю. Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 179 с.
12. Соломин В.Е. Отражение медиасобытий в региональных сетевых СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 133–135.
13. Витвинчук В.В. Конструирование медиасобытия: специфика социального хронотопа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 104–110.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 841 с.
16. Еникеев А.А. Событие, сознание, текст в пространстве социально-философского знания : дис. ... кандидат. филос. наук. Екатеринбург, 2003. 164 с.
17. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
18. Ким Л.Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 318. С. 29–36.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2013 г.